

United States Holocaust Memorial Museum

Interview with Velin Krupsky

RG-50.575*0006

The following transcript is the result of a recorded interview. The recording is the primary source document, not this transcript. It has not been checked for spelling nor verified for accuracy. This document should not be quoted or used without first checking it against the interview.

The interview is part of the United States Holocaust Memorial Museum's collection of oral testimonies. Information about access and usage rights can be found in the catalog record.

Вопрос: Здравствуйте! Представьтесь, назовите Ваше имя и фамилию, где и когда Вы родились.

Ответ: Вилен Ильич Крупский. 28 января 1931 года, город Одесса.

Вопрос: Вы родились в Одессе. Нас интересует, что Вы видели во время оккупации, что происходило с евреями.

Ответ: Мы жили на улице Нежинской, но, как только началась война, мы решили объединиться с бабушкой, матерью матери, и переехали на Французский бульвар в Дачный переулок, дом 5, квартира 3. Там нас застала война. И, как известно, 16 октября 1941 года в Одессу вступили оккупанты - немцы. Сначала это были только немцы, как мне помнится. А затем и румынские части под надзором немцев присутствовали в Одессе. Они сразу стали применять очень жестокие меры по отношению к евреям, коммунистам и так далее. В эти дни они посещали дома, опрашивали жильцов. Те, в зависимости от настроенности, говорили о том, кто живет в их доме. Конечно, некоторые из них, будучи настроенными враждебно по отношению к евреям, коммунистам, выдавали этих людей. И в эти первые дни произошло много арестов. Были облавы, и ночные облавы. Мой отец - еврей и коммунист, он умер в 1939 году до войны. Об этом не все знали, поскольку мы жили на Нежинской, а потом переехали на Французский бульвар. У бабушки не все знали о моем происхождении, и сразу нас это не коснулось, всякие репрессивные меры со стороны оккупантов. А затем, видно, все-таки были доносы всевозможные, и в наш двор пришли румыны. Мама меня спрятала на всякий случай. Но, ко всему прочему, и не заставляли ее нас искать в этот первый приход. Собрали всех евреев из этого переулка, из близлежащих домов. Моего тогда товарища хорошего увели. Их построили в переулке и увели. Как нам потом стало известно, на четвертую станцию, на пороховые склады. Их там содержали, как говорят, в ужасных условиях. Ну, и затем известно, что произошло: их всех уничтожили, сожгли.

Вопрос: Вы говорите, что ходили по квартирам, собирали евреев. Вы сами видели, как их забирали?

Ответ: Конечно.

Вопрос: Если можно, какие-то детали этого. Они выходили покорно или их выталкивали?

Ответ: Я ж не ходил по пятам за этими отрядами румын, я этого не видел. Но...некоторые очень покорно выходили, рассчитывая на то, что с ними ничего страшного не произойдет. А некоторых выталкивали. Вот этого Изю, моего товарища, он был старше меня, его вытолкали. Он был молодой, видно, сопротивлялся. И его вытолкали, поставили в эту толпу собранных людей. И потом их увели.

Вопрос: Как эти люди выглядели?

Ответ: По-разному. Страдальческие лица. Я ж тоже многое знаю по рассказам мамы. У меня же не было возможности это все рассматривать. Поэтому многое я знал со слов матери, как уводили людей в эти страшные места.

А затем...не знаю, что побуждало этих людей. Мы вели себя очень смиренно, доброжелательно, можно сказать, нас даже любили соседи... А некоторые были настроены враждебно. У нас во дворе жили многие рыбаки, они любили хорошо выпить. И, очевидно, за «хорошие» доносы им обещали какую-то плату, вознаграждение. Я не знаю сколько, кому и как. Но очевидно, следует догадываться, так как через какое-то время они стали писать доносы на нас. Что вот, у моей матери сыновья остались от отца-коммуниста, еврея. Нас стали водить в полицию. Я даже помню первый опрос. Сначала это был такой чисто внешний обзор и опрос: кто, что, когда. Но мама всячески скрывала.

The following transcript is the result of a recorded interview. The recording is the primary source document, not this transcript. It has not been checked for spelling nor verified for accuracy. This document should not be quoted or used without first checking it against the interview.

Вопрос: Это у Вас дома происходило?

Ответ: Это происходило в полиции. Полиция была недалеко, на Французском бульваре, примерно, где сейчас киностудия. Мама все уничтожила. Она вообще была женщина боязливая. И уничтожила все документы, фотографии – все. У меня на сегодняшний день нет ничего довоенного, какого-то свидетельства того времени...А потом еще раз и еще раз.

Вопрос: Вы сказали, что Вас там стали допрашивать. О чем?

Ответ: Они как бы сверяли мои ответы с мамиными ответами. Допрашивали о том, кто отец, где он работал, какую должность занимал. А он всегда был секретарем парторганизации. И в один из таких допросов меня раздели и стали осматривать меня, не подвергался ли я еврейскому обычаю – обрезанию. Но этого не было – и меня это спасло.

Вопрос: Почему Вы считаете, что Вас осматривали именно по поводу обрезания? Это ведь мог быть любой другой медицинский осмотр?

Ответ: Нет! Там же не было врачей! Полицейские раздели и смотрели. Вот так это было какое-то время. Мама моя подружилась с одной милой женщиной, а она оказалась женой работника полиции. Евгений Степанович Мавров был такой. Он, несмотря на то, что работал в полиции, но он очень враждебно был настроен против оккупантов. Их согнали из Бессарабии и заставили здесь работать. Поскольку он знал хорошо румынский и русский языки, то он попал в полицию работать. И, таким образом, мы получили очень полезное для нас знакомство с работником полиции. Что-то он там сказал в полиции о нашей семье, что, не преследуйте их, хватит уже допрашивать, уже ясно, кто они. Короче говоря, в этом ракурсе на нас стали обращать меньше внимания. И я даже получил возможность выходить куда-то, потому что приходилось иногда и на чердаках прятаться. И у этих Мавровых я какие-то дни жил у них.

Тогда, когда сказали, что вешают людей в городе в отдельных местах на деревьях, на столбах - преступников, партизан – как они тогда говорили. Нам, пацанам сказали, и мы побежали смотреть. И на Александровском проспекте мы видели этих повешенных. Никто не отгонял, наоборот, они были заинтересованы, чтобы люди побольше глядели на эти несчастных повешенных, чтобы это стало уроком для всяких вылазок. А вылазки были. Особенно после взрыва (нынешний Дворец студентов) на Морозеевской улице. Там собрался генералитет на какое-то совещание, и партизаны там устроили взрыв. После того здорово ходили, делали облавы, многих невинных арестовывали, вешали и так далее.

Вопрос: Вы не видели самого процесса повешения?

Ответ: Нет.

Вопрос: Скажите, Вы видели уже повешенных?

Ответ: Да.

Вопрос: Где они висели, на чем?

Ответ: Я помню плохо, потому что, в основном, зафиксировался образ этих несчастных. Это были деревья, столбов там, по-моему, не было. На деревьях, на ветках.

Вопрос: Много?

Ответ: Так трудно сказать. При общем обозрении, может быть, человек 20, может, и больше.

The following transcript is the result of a recorded interview. The recording is the primary source document, not this transcript. It has not been checked for spelling nor verified for accuracy. This document should not be quoted or used without first checking it against the interview.

Вопрос: Определить, что это за люди, Вы не могли?

Ответ: Нет, по ряду причин. Во-первых, многие лица были искаженные, многих лиц вообще не было видно, какие-то черные лица. Это сложно было. И мы же были мальчишки 10-11 лет.

Вопрос: Но это были мужчины, женщины?

Ответ: Да, мужчины и женщины, Даже больше женщин, мне так показалось. Мужчин вообще было меньше в то время, только старики остались в Одессе. Многие эвакуировались. Мы не смогли эвакуироваться из-за очень тяжелой болезни младшего брата – двустороннее воспаление легких. И мама не решилась, потому что он бы погиб в дороге.

Вопрос: Что-то еще Вы видели на улицах?

Ответ: Мы видели иногда колонны. Я не могу утверждать, что это все были колонны евреев. Может, там была смесь коммунистов, евреев. Очень редко, может, два раза за все время, мы видели патрулируемых в такой колонне людей. А куда, что неизвестно.

Вопрос: Что за люди там были?

Ответ: Там были и женщины, дети, старики, мужчины.

Вопрос: Кто их конвоировал?

Ответ: Румыны, солдаты румынские.

Вопрос: Как вели себя люди в колонне?

Ответ: Люди вели себя смирно. Каких-то там порывов, желания вырваться из той толпы не было. Их не окружал сплошной патруль военных, а отдельные солдаты гнали. Конечно, кто уставал, они подстегивали, ускоряли их движение.

Вопрос: Какими действиями?

Ответ: Подгоняли прикладами, кричали: «Гей, гей!»

Вопрос: Куда они шли?

Ответ: Не знаю. Это было на разных улицах. Один раз на Французском бульваре, туда, в сторону Аркадии. А один раз где-то в городе, не помню уже на какой улице.

Вот так мама нас скрывала. Чуть услышит, что где-то во дворах идет какая-то облава, моментально нас прятали. Конечно, места не очень безопасные – тот же чердак. Но они же и на чердаки лазили. Но старались... У нас были траншеи, окопы такие вырыты во дворах для спасения от бомбежек. Еще до оккупации бомбили город, и мы спасались в этих траншеях. И вот нас иногда туда помещали. Иногда у этих Мавровых, у других друзей, которые дальше жили. Вот так приходилось скрываться. Приходилось скрываться очень долго, вплоть до освобождения нашими города. И даже тогда ко всем, кто был в оккупации, относились враждебно, я бы даже сказал, с подозрением. И приходилось скрывать, что ты был в оккупации, что твоя фамилия такая. Мне приходилось же учиться, поступать в одно учебное заведение, в другое. И приходилось скрывать.

Вопрос: Когда Вы скрывались во время оккупации, Вы все равно в город выходили и что-то видели. Вы можете рассказать, что Вы видели в городе?

The following transcript is the result of a recorded interview. The recording is the primary source document and this transcript has not been checked for spelling nor verified for accuracy. This document should not be quoted or used without first checking it against the interview.
Одесса. Нам приходилось везти папины вещи, наши вещи, свои на продукты. Мы бежали за город в деревни менять папины вещи, наши вещи, свои на продукты.

Вопрос: А вы в это время где находились?

Ответ: Мы с братом находились с бабушкой там, в Дачном переулке.

Вопрос: Вы знали про еврейское гетто в городе? Вы бывали там?

Ответ: Да, конечно. Где-то в ноябре 1941 года в очередной облавный день пришли...мы даже думали, что нас это, как обычно, не коснется. И вдруг, видно, кто-то науськал, указал, что вот вы еще туда загляните, там еще дети-евреи. И заглянули. Мы как раз были дома. И нас взяли тоже. Взяли и поместили на Слободке в гетто. Вначале это было на Слободке, а потом (правда, нас тогда уже отпустили) ...

Вопрос: Кого «нас»?

Ответ: Меня с братом и маму. Брат продолжал болеть, у него было воспаление легких. Мама все время об этом указывала. Говорила, что вот больной ребенок, отпустите хотя бы за лекарствами. И поскольку она русская, и внешность вполне соответствует русской женщине, к ней относились с какой-то доброжелательностью. Но не выпускали. Выслушивали ее, но не выпускали. Но однажды выпустили, когда начальник лагеря отсутствовал. Нас оставили, а ее отпустили за лекарствами. Она вышла и сразу, конечно, побежала к Мавровым, к Евгению Степановичу. И сообщила, что вот такое произошло, что мы уже около месяца находимся в гетто. И чтоб он что-то предпринял. Взяла какие-то лекарства и пришла обратно. И мы находились там. Мама как могла, лечила. Когда был кипятюк, когда нет. Когда можно было сделать процедуру в тех условиях...А через какое-то время – это был уже другой год, 1942, может, февраль, март – она принесла из дому некоторые золотые вещи, когда ходила за лекарствами. И она сумела уговорить надзирателя, дав ему подарок, чтобы нас отпустили, мол, мы не имеем к этому отношения, пойдите на встречу и так далее. Короче говоря, каким-то чудом и благодаря Евгению Степановичу, он уже тоже был включен в этот процесс, он тоже уже просил, нас отпустили. И после этого через какое-то время, по-моему, это было лето, закрыли этот лагерь и перевели в Богдановку, я точно не помню.

Вопрос: Что Вы видели в гетто?

Ответ: Что там можно было видеть? Бараки с многочисленным количеством людей, несчастных, жалких, голодных, худющих.

Вопрос: Как выглядело гетто? В каких условиях там находились люди?

Ответ: В тяжелейших условиях! В бараках жили огромное количество людей, жалких, страшных, наверное, вшивых, голодных, худых, в ужасном состоянии. То, что мама вышла один раз, так она сумела притащить какой-то хлеб, какие-то продукты, какие можно держать.

Страдания невероятные! И каждый раз, когда приходили...люди все время движутся из барака в барак...приходят и со слезами рыдают иногда. Когда люди со двора приходили в барак, очень часто они в ужасе бросались на пол и рыдали. Их спрашивали: «Что произошло? Что вы рыдаете?» - «Вы помните такую-то из такого-то барака? Так вона умерла!» Так что многое мы знали из слов вот этих вот людей, очевидцев непосредственных. А пару раз приходилось видеть, как выносят трупы людей. Куда везли – я не знаю.

Вопрос: А что за трупы?

Ответ: Накрытые на носилках, по-моему, даже самодельных. И в один из дней нас с мамой (только не знаю, проверено ли это) я знаю, что это действительно Евгений Степанович Мавров. Я не знаю, получил он звание праведника. Он действительно спасал людей. Очень порядочный, добрый человек, хотя и работал в

полиции. Вот так мы оказались в 1942 году дома. Но не успокаивались «хорошие люди» и продолжали доносить.

Вопрос: Уже оказавшись дома, видели ли Вы еще преследования евреев?

Ответ: Они настолько много сделали ужасных вещей (облав, арестов) вначале, что позже стало тише. Разве что отдельные случаи, не массовые, а отдельные, по доносам.

Вопрос: Вы сами видели такие случаи?

Ответ: Нет.

Вопрос: Расскажите об освобождении города.

Ответ: Освобождение города – это было такое счастье! 10 февраля освобождена была Одесса, а 9 февраля взорвали пивзавод на Ботанической улице. Взорвали в щепки, я такого взрыва никогда больше не видел. Летело все: бочки, дерево, какие-то там... К чему я это говорю? Конечно, взорванные бочки давали множество пива. Мы, пацаны, понимая приближение наших и видя уже послабления, которые свидетельствуют о том, что немцы собираются уходить. Мы побежали на пивзавод и набрали пиво в ведра. На следующий день мы были на чердаках, как обычно нас оберегали, и мы жили на чердаках, боялись облавы перед уходом оккупантов. И вдруг кто-то закричал: «Наши!» А мы даже не понимали, что это наши, потому что мы наших видели в гимнастерках с петлицами и шпалами, а тут вошли люди с погонами, и мы не понимали, что это наши военные, наши люди. Но когда мы уже поняли, что это наши, мы скорее за ведра с пивом, начали их угощать! Они пили это пиво! Приятные моменты, это были счастливые минуты! Ну а потом вошли карательные отряды.

Вопрос: Что такое «карательные отряды»?

Ответ: «Смерш», я так понимаю. Я не знаю подробностей. Во всяком случае, им только укажи взглядом или пальцем. И все! Они хватали, арестовывали, расстреливали!

Вопрос: Вы это видели?

Ответ: Я видел на собственном опыте. Ворвался один из них, казак, пьяный вдребезги. Ворвался к нам в квартиру и стал гоняться за мамой. Она одевала младшего братика, он на 8 лет младше меня. Он ворвался и стал к ней приставать. Она успела увернуться, он пьяный был, не сильно мог устоять на месте. Она как-то успела забросить братика к соседке напротив и сама стала удирать. И он ей вдогонку стал стрелять! Но, поскольку рука пьяного человека неуверенная, он не попал. Она свернула в другой маленький коридорчик и все. Потом его разобрало, он сидел на балконе, орал, стрелял. И один из наших дворовых, Костя-рыбак, пробрался к нему и сумел его обезоружить. А так бы он натворил делов. Вот такие были освободители первые.

Вопрос: Еще что-то?

Ответ: Нет, это то, что я на собственном опыте. Говорили люди, что арестовывали и уводили сразу же смершевцы.

Спасибо!

<http://collections.ushmm.org>
Contact reference@ushmm.org for further information about this collection

The following transcript is the result of a recorded interview. The recording is the primary source document, not this transcript. It has not been checked for spelling nor verified for accuracy. This document should not be quoted or used without first checking it against the interview.

The interview is part of the United States Holocaust Memorial Museum's collection of oral testimonies. Information about access and usage rights can be found in the catalog record.